PG 3300
.S63 P29
1874

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1918

Class RGR450
Book P3S4

YUDIN COLLECTION

CYR
Pavlov, N.M. (Nikolai Mikhailovich)
Slovo o polku Igoreve

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Н. М. ПАВЛОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

PG3300
.S63P29
1874

Дозволено цензурою. Москва, февраля 27 дня 1874 г.

95-134259

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Ни одному памятнику нашей древней литературы не посчастливилось такимъ множествомъ изданій и такимъ богатствомъ коментаріевъ какъ *Слову о Полку Игоревѣ.*

Съ одной стороны это вполнѣ понятно: это памятникъ исключительный, единственный въ своемъ родѣ. Тогда какъ почти вся древняя письменность сводится у насъ лишь къ церковной проповѣди, *Слово* представляетъ яркій образецъ свѣтской литературы и къ тому же весьма талантливый. По живости поэтическихъ красокъ, по занимательности и разнообразію картинъ внутренней жизни, такъ-называемаго удѣльнаго періода, это источникъ драгоцѣнный и ничѣмъ не замѣнимый. Читая *Слово*, чувствуешь самую душу древней княжеской Руси, угадываешь ея бытъ.

Неудачный походъ Игоря, окончившійся его плѣномъ, вполнѣ подтверждается лѣтописями; но поэтъ передалъ его въ своемъ одушевленномъ разказѣ еще какъ участникъ и очевидецъ событія. Многія характеристическія черты и неуловимо-жизненныя подробности, разсѣянныя на протяженіи цѣлой поэмы, въ томъ убѣждаютъ невольно. Самый языкъ *Слова* достигаетъ мѣстами высокаго поэтическаго одушевленія и, пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, до сихъ поръ звучитъ пріятно. Всего этого уже слишкомъ достаточно для того чтобъ объяснить всеобщее и вполнѣ заслуженное сочувствіе къ *Слову о Полку Игоревѣ.*

4 да 77

Но съ другой стороны есть еще причины совсѣмъ инаго рода которыя постоянно побуждаютъ знатоковъ нашей старины обращаться къ этому памятнику съ новыми разысканіями: онѣ грозятъ уже никогда не кончиться и самое изученіе памятника обращается при этомъ не въ ученую или художественную работу, а въ какую-то умственную игру, въ casse-tête своего рода.

Дѣло заключается въ томъ что *Слово о Полку Игоревѣ* вовсе не народная поэма, а весьма искусственное произведеніе чисто личнаго творчества. Это произведеніе такого пѣвца который усвоилъ себѣ, такъ-сказать, нарочито-схоластическіе пріемы и придалъ своему сочиненію совершенно особую, нарочито витійственную форму. Пѣвца *Слова*, по справедливости, можно отнести къ числу тѣхъ пѣснотворцевъ о которыхъ у Кирилла Туровскаго между прочимъ сказано такъ: *„Историцы и вэтія, рекше лѣтописцы и пѣснотворцы, приклоняютъ своя слухы въ бывшая межю цари рати и въпъленія да украсятъ словесы и возвеличатъ мужьствовавьшая крѣпко.... и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаютъ.“* Самый языкъ *Слова о Полку Игоревѣ* вовсе не народный языкъ; онъ рѣзко запечатлѣнъ личными особенностями автора; быть-можетъ даже прямо логрѣшностями. И вотъ такого-то рода исключительный и совершенно своеобразный памятникъ, въ довершеніе всего, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ въ единственной редакціи, не представляя для своего сличенія ни одного варіанта. Притомъ самая рукопись, какъ извѣстно, сгорѣла въ Москвѣ при нашествіи Французовъ, и текстъ *Слова* читается лишь по печатной редакціи Мусина-Пушкина, которому принадлежала погибшая рукопись.

Весьма понятно что въ спискѣ дошедшемъ до Мусина-Пушкина могли заключаться и нечаянныя ошибки, и невѣжественныя поправки переписчиковъ, и совершенныя искаженія текста мудровавшими лѣтами; наконецъ, просто были описки, быть-можетъ цѣлые пропуски противъ первоначальнаго текста. Понятно что самъ издатель, Мусинъ-Пушкинъ, не могъ избѣжать новыхъ ошибокъ при разборѣ неразборчиваго текста: многія искаженія, которыя по крайней мѣрѣ обличали себя тѣмъ что не представляли даже граматическаго смысла, онъ, осмысливъ по своему крайнему разумѣнію, кристаллизовалъ въ правильныя сочетанія словъ, чѣмъ ввелъ въ двойное заблужденіе дальнѣйшихъ изслѣдователей. Редак-

ція *Слова о Полку Игоревѣ* подъ конецъ всего представляется такою что чуть не каждый стихъ подаетъ поводъ къ двусмысленности, а нѣкоторыя отдѣльныя реченія кажутся какими-то осколками искаженныхъ или просто на половину утраченныхъ стиховъ.... Поле къ догадкамъ является безграничнымъ; но это уже не ученая работа, какъ мы сказали, а игра въ casse-tête.

Если въ стихахъ любаго изъ новѣйшихъ поэтовъ можно указать замѣны одного стиха другимъ, и оба будутъ правильны, и даже смотря по личному вкусу каждаго, одинъ будетъ казаться лучше другаго,—то не праздно ли спорить о такихъ замѣнахъ и доискиваться правильнѣйшаго варіанта у лѣвца XII столѣтія? Если въ томъ или другомъ случаѣ именительный падежъ совпадаетъ съ винительнымъ или дательный съ предложнымъ, и смыслъ рѣчи одинаково допускаетъ и то и другое, то можетъ ли что-нибудь быть безконечнѣе споровъ о томъ какой же именно изъ этихъ двухъ падежей былъ однако въ намѣреніи у самого лѣвца XII столѣтія?

Многіе изъ критиковъ *Слова* спорятъ другъ съ другомъ по вопросамъ именно этого рода, но есть другіе которые идутъ гораздо далѣе. Всякое мало-мальски темное и для кабинетно-ученой критики непонятное мѣсто (весьма часто объяснимое изъ примѣровъ охотничьей или казацкой или даже просто крестьянской жизни) они стараются объяснить миѳами и старинною миѳологіею, то-есть: объяснить одно неизвѣстное другимъ еще болѣе неизвѣстнымъ. Этимъ путемъ многія мѣста *Слова о Полку Игоревѣ* извращены окончательно, и имъ приписываютъ чудовищный смыслъ. Въ ошибкахъ противъ языка, въ простыхъ погрѣшностяхъ, либо автора, либо переписчиковъ, ученая критика не рѣдко усматриваетъ вполнѣ законные архаизмы, нелишенные даже своего рода прелести.

Слово о Полку Игоревѣ, такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ искаженій печатной редакціи, а съ другой, отъ массы миѳическихъ толкованій, окуталось въ концѣ-концовъ какимъ-то таинственнымъ и мрачнымъ покровомъ, изъ-подъ котораго уже никакъ не выглянетъ на свѣтъ Божій его простой поэтическій и всякому понятный смыслъ.

Замѣчательно что самый переводъ или правильнѣе сказать переложеніе этого памятника на современный языкъ дѣлались у насъ до сихъ поръ или какою-то торжественною прозою, или рифмованными, а иногда бѣлыми стихами на какой-то

мужицкій ладъ, съ гримасою лихости и непремѣннымъ налущеніемъ лже-руссицизмовъ.

Можно съ основательностію утверждать что простой, вполнѣ естественный русскій языкъ, самый лучшій для переложенія какихъ бы то ни было памятниковъ древней русской письменности. Что же касается до вопроса: переводить ли *Слово о Полку Игоревѣ* прозой, или напротивъ стихами, то отвѣтъ на это обусловливается самимъ подлинникомъ.

Слово о Полку Игоревѣ даетъ угадывать что оно разсказывалось пѣвцомъ въ гридницѣ у князя предъ многочисленными слушателями. Рѣчь сказателя раздавалась то протяжно и съ нѣкоторою заученностью гдѣ повысить и гдѣ понизить голосъ; то лилась мѣрною скороговоркою; то плавными длинными стихами безъ опредѣленнаго размѣра; то наконецъ достигала чисто лирическаго воодушевленія, которое и выражалось стихомъ съ опредѣленною цезурой. Музыкальность этихъ отдѣльно-выдающихся стиховъ даже сейчасъ, пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, не утратила своего обаянія. Переводъ, удерживая строка за строкою расположеніе самаго подлинника и передавая текстъ по возможности дословно и дострочно, долженъ въ то же время передавать и этотъ постоянно мѣняющійся вольный размѣръ, никогда не подчиняющійся единообразію.

Понятно что слагатель *Слова*, обращаясь къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ въ гридницѣ князя, однимъ тономъ дѣлалъ напримѣръ самое обращеніе: *Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы,* обращеніе въ которомъ проглядываетъ даже намѣренная книжность съ его стороны, а слѣдовательно оно и читается нѣсколько на книжный ладъ съ протяжностью. И въ то же время онъ уже совершенно другимъ тономъ передавалъ оживленную картину горячаго спѣха военныхъ приготовленій: *Гремитъ слава въ Кіевѣ! Трубы трубятъ въ Новѣградѣ!* Наконецъ еще новымъ тономъ помѣчалъ онъ отдѣльными припѣвками какъ бы символическими изреченіями стародавняго эпоса переходы своихъ постоянно мѣняющихся эпизодовъ: *Былъ вѣкъ Трояновъ!* при переходѣ къ воспоминаніямъ о кровавыхъ сѣчахъ, или: *Не копья поютъ на Дунаѣ,* когда онъ переходитъ къ *Плачу Ярославны.*

Такой переливъ тоновъ и слышенъ въ стихахъ *Слова*, хотя подъ стихами тутъ слѣдуетъ разумѣть совсѣмъ не то что обозначается этимъ именемъ въ наше время.

Слово о Полку Игоревѣ, какъ мы сказали, сложилось не въ народѣ и не народомъ, а по всей вѣроятности придворнымъ княжескимъ пѣвцомъ, ученымъ мастеромъ своего дѣла, „искуснымъ витіею“ какъ это называлось въ старину. Это весьма стройная по своему сочиненію поэма, съ планомъ вполнѣ обдуманнымъ и хорошо выдержаннымъ; поэма сложенная по правиламъ ученымъ съ явнымъ оттѣнкомъ такъ-называемаго „высокаго слога“ и того самаго классицизма, преданіе о которомъ сохранялось въ школахъ среднихъ вѣковъ и возводилось къ самому Гомеру. Обращеніе къ баснословному Бояну; олицетвореніе вѣтровъ какъ внуковъ Стрибога; наименованіе князя внукомъ Дажбога, упоминаніе о Хорсѣ и тому подобное, все это не что иное какъ только признаки преданія и школы. Это прикрасы которыми авторъ платилъ дань своему, школою созданному, направленію.

Авторъ вѣроятно былъ дружинникомъ князя; а княжеская дружина заключала въ себѣ не мало пришельцевъ, Славянъ смѣшанной національности, которые могли скитаться и въ Венгріи, и въ Чехіи, и въ Польшѣ, прежде чѣмъ попасть на службу къ русскому князю. Въ самомъ *Словѣ* есть одно мѣсто не лишенное въ этомъ отношеніи интереса: упомянувъ о подвигахъ Кіевскаго Святослава, который *наступилъ на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги*, и сопоставивъ съ такими подвигами неудачный походъ Игоря, который напротивъ того *все доброе похоронилъ на днѣ Каялы рѣки, разсорилъ тамъ русское золото*, пѣвецъ восклицаетъ:

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава
Поютъ славу Святославову!

Эти Нѣмцы, Венеціане, Греки и Морава здѣсь обозначаютъ не непремѣнно тѣ дальнія страны, въ которыя могла бы пожалуй проникнуть слава о подвигахъ Святослава; пѣвецъ тутъ могъ разумѣть тѣхъ пришельцевъ изъ разныхъ земель которые находились на службѣ у князя и числились въ его дружинѣ. Пѣвецъ *Слова* заставляетъ этихъ же самыхъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ и Моравовъ оплакивать тоже горькую судьбу Игоря:

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава,
Поютъ славу Святославову;

Они корятъ князя Игоря,
Который все доброе похоронилъ
На днѣ Каялы,
Половецкой рѣки;
Разсорилъ тамъ русское золото.

Притомъ о присутствіи иностранцевъ въ княжіихъ дружинахъ извѣстно съ самыхъ отдаленныхъ временъ; въ лѣтописяхъ не упоминается почти ни объ одномъ князѣ безъ того чтобы не назвать между его ближними или служителями какого-нибудь иностранца: или Венгра, или одного изъ высчитанныхъ пѣвцомъ *Слова*, или вообще Фряга. Многіе изъ нихъ могли приносить съ собою и передавать своимъ товарищамъ по дружинѣ школьное образованіе тогдашней средневѣковой Европы, о которомъ мы говорили. Впрочемъ, это образованіе было принесено еще прямо изъ Греціи и могло водвориться даже въ тѣхъ школахъ которыя послѣ принятія христіанства были заведены Святымъ Владиміромъ и особенно умножились во времена Ярослава.

Сочетаніе въ одномъ лицѣ и пѣвца и дружинника представляется совершенно естественнымъ. Съ этой стороны очень важно свидѣтельство Ипатьевскаго лѣтописца о какомъ-то *славутьномъ пѣвцѣ Митусѣ* которому вмѣняли въ гордость его нехотѣніе служить князю Даніилу. Здѣсь умѣстно будетъ выписать это свидѣтельство, тѣмъ болѣе что иные въ этомъ пресловутомъ Митусѣ хотѣли видѣть никого другаго какъ самого автора *Слова о Полку Игоревѣ*.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 годомъ читается:

„И слышавъ Костянтинъ Андреа грядуща нань, избѣже ноцью. Андрей же не удоси (не застигъ) его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутьнаго пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздранаго аки связанаго приведоша.“

Уже давно было замѣчено что ни одинъ изъ древнихъ памятниковъ не отличается такою искусственностью выраженія какъ *Слово о Полку Игоревѣ*. Мы не говоримъ объ этихъ дѣйствительно книжныхъ словахъ и выраженіяхъ, каковы: „пѣснотворецъ“ вмѣсто поэтъ, „трудная повѣсть“ вмѣсто героическая поэма, „замышленіе Бояна“ вмѣсто фантазія Бояна. Такъ какъ не было современныхъ словъ для выраженія соотвѣтствующихъ понятій, то и понятно что для выраженія

пришлось сочинять слова и составлять ихъ искусственно. Но мы говоримъ про книжность и сочиненность еще такихъ выраженій и для передачи такихъ представленій которыя весьма точно и живо передавались въ народной поэзіи. Такъ напримѣръ, желая выразить что Русскими было захвачено множество добычи у Половцевъ, такъ что бархатами и разными драгоцѣнностями можно было мосты мостить по грязямъ да по болотамъ (оборотъ употребляемый весьма часто въ народной поэзіи) авторъ выражается такъ: „начали мосты мостить по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ“. Выраженіе: *по грязивымъ мѣстомъ*, конечно, правильно въ грамматическомъ отношеніи; но едва ли это живой языкъ, а не книжный.

Для выраженія самаго ранняго утра, чему въ народной поэзіи соотвѣтствуютъ обороты: до зари, до свѣта, наконецъ просто: ранымъ-рано, ранёшенько,—пѣвецъ употребляетъ такую форму: „вельми рано“— выраженіе совершенно прозаическое и опять-таки книжное.

Такого рода книжность и, какъ мы выразились, *сочиненность* многихъ словъ и цѣлыхъ выраженій въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*, перемѣшиваясь то съ просторѣчіями, то съ мѣстными провинціализмами, образуетъ какую-то пеструю мозаику словъ. Такого-то рода мозаичность и обнаруживается въ языкѣ автора *Слова*. Наряду съ сочиненными и искусственно составленными словами, какъ „лѣснотворецъ“, „трудныя повѣсти“ и пр. онъ то и дѣло употребляетъ еще такія слова которыя явно относятся къ чисто мѣстнымъ провинціализмамъ и просторѣчіямъ. Сюда можно отнести: „засаложникъ“, „тектъ“, „клектъ“, „всърожать“, „кычетъ“, „каять“, „бусый“ и другіе. Замѣтимъ о послѣднемъ словѣ: „бусый“ что оно просто означаетъ *сѣрый*, и въ этомъ смыслѣ значится въ *Областномъ словарѣ*, какъ провинціализмъ Псковской губерніи. Въ этомъ значеніи слова *бусый* нельзя сомнѣваться уже потому что пѣвецъ *Слова* придаетъ его, какъ эпитетъ, волку; въ народной поэзіи и говорится всегда: сѣрый волкъ. Такимъ образомъ объясняется еще и выраженіе въ *Словѣ: бусыя вѣжы* (босови врани) переведенное иными: *бѣсовы воронѣ*. Такъ какъ вѣрону соотвѣтствуетъ всегда эпитетъ *черный вѣронъ* и цвѣтъ вѣрона таковъ дѣйствительно, откуда и выраженіе о черной масти: воронóй, цвѣтъ вѣронова крыла, то *бусый вранъ* значитъ просто *воронá*, птица того же рода что и вѣронъ, но, какъ всѣмъ извѣстно, сѣрая.

Такъ какъ, впрочемъ, до насъ *Слово* дошло въ испорченной и искаженной редакціи, то было бы слишкомъ неблагоразумно дѣлать объ языкѣ этого памятника какіе-нибудь окончательные выводы; тѣмъ болѣе что, не говоря уже о цѣльности поэмы и вообще о несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ автора, иныя мѣста и отдѣльныя строчки, даже со стороны языка, представляютъ образцы высокаго творчества.

Повторяемъ, къ языку *Слова о Полку Игоревѣ* слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностію, безъ чего ученая критика ставится въ постоянную опасность принимать простую неумѣлость или погрѣшность автора, а иногда просто ошибку писца за вполнѣ законный архаизмъ.

Одно изъ воззваній къ Бояну у пѣвца *Слова* возбуждено сожалѣніемъ что не онъ, не славный Боянъ, воспѣваетъ походъ Игоревъ. „Кабы ты, Боянъ, воспѣлъ этотъ походъ!“ восклицаетъ пѣвецъ. „Кабы ты сложилъ славу нашему времени!“ Послѣдній стихъ читается одними такъ: „Слѣвая славу оба-полы сего времени“, другими такъ: „Свивая славу оба-полы сего времени“. Такъ какъ выраженіе *сложить славу* совмѣщаетъ оба варьянта, и *спѣвая* и *свивая*, то именно его, кажется намъ, и слѣдуетъ удержать въ переводѣ. Но какъ передать это: „оба полы сего времени?“ Этимологія очевидна: обѣ половины, обѣ стороны; но это не значитъ еще чтобы само выраженіе, вновь происшедшее отъ такого корня, и сложившееся въ особое самостоятельное слово, повторяло только буквально смыслъ своего корня. „Оба-полы сего времени“ едва ли не слѣдуетъ читать: „обаполь сего времени“; а это на языкѣ даже нынѣшняго сельскаго простонародья означаетъ уже весьма простое понятіе: около нашего времени, близь нашего времени, вкругъ нашего времени и т. п. Такъ крестьянинъ говоритъ: всѣ обаполь знаютъ, или: всѣ въ обаполи знаютъ, или даже: вся обаполь знаетъ; во всей обаполи хлѣбъ не уродился. Поэтому, кажется намъ, всѣхъ вѣрнѣе перевелъ это мѣсто г. Вельтманъ: „слѣвая намъ *современную* славу“; напротивъ того, только затемняли простой смыслъ этого мѣста всѣ тѣ которые его объясняли намѣреніемъ пѣвца создать какой-то поэтическій образъ свиванія времени прошедшаго, настоящаго и будущаго, „свивать славу Игоря со славою его предковъ“, „свить прошедшее съ настоящимъ, времена славы Олега и Игоря“.

Трояновъ валъ, который подозрѣвали въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* въ стихѣ: „рища тропу Трояню“, весьма правдоподобно объясняется намѣренною опиской мудрствовавшаго переписчика, который Трояню, поставилъ вмѣсто Бояню. И смыслъ дѣлается простъ и ясенъ. Такъ какъ предъ тѣмъ только пѣвецъ обращался къ Бояну, носящемуся и по лѣсамъ и по облакамъ, съ приглашеніемъ воспѣть походъ Игоревъ, и въ заключеніи приступаетъ самъ къ описанію похода прилѣвками на ладъ Бояна, то это обращеніе въ цѣломъ вполнѣ вѣрно читается такъ: „Несясь во слѣдъ Бояну, чрезъ поля на горы, такъ бы надлежало лѣть лѣснь Игорю нынѣшнему пѣвцу, послѣдователю Бояна“ и приводятся примѣры заплѣвовъ.

Напротивъ того, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ переписчикомъ поставлено „Бояню“ слѣдуетъ именно читать „Трояню“ или еще правильнѣе Тьмутараканю. Земля Тьмутараканская, впрочемъ, для переписчика которому не были чужды преданія о царѣ Траянѣ и о землѣ и войнѣ Троянской—земля Тьмутараканская, говоримъ, могла представляться Троянской землею или землею царя Траяна. Такъ какъ однакожь эта „земля Бояня“, а по другимъ „земля Траяня“ обозначена въ *Словѣ* весьма опредѣленно: „у великаго Дона на берегу Синяго моря“, то ясно что это Тьмутаракань, о которой вообще въ *Словѣ* поминается то и дѣло; далѣе мы будемъ имѣть еще случай подробнѣе разобрать это мѣсто.

Затѣмъ, имя собственно царя Траяна, оставившаго по себѣ кровавую память въ Славянахъ, уже не ошибочно, а согласно съ подлиннымъ стихомъ пѣвца, поминается развѣ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ рѣчь идетъ о кровавыхъ сѣчахъ, о „которѣ“ и о насиліи.

При описаніи вторженія Игоря въ Половецкую землю, слѣдуютъ извѣстные стихи: „Дивъ кличетъ вьрху древа, Велитъ послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ, и Поморію, и Посулію! И Сурожу и Корсуню! И тебѣ Тьмутараканскій блъванъ!“ Тутъ подозрѣваютъ миѳическій смыслъ. Съ одной стороны, видятъ миѳическое существо въ Дивѣ; съ другой, выраженіе „земли послушать“ подаетъ поводъ къ смутнымъ догадкамъ. По нашему мнѣнію, настоящій смыслъ этого мѣста чрезвычайно простъ. Сейчасъ мы скажемъ подробнѣе о самомъ *дивѣ*; но вотъ общій смыслъ этого мѣста. Едва непріятель, то-есть русское войско,

вступилъ въ степь, которая отъ Сулы и Волги до Сурожа и до самой Тьмутараканн уже была подъ властью поганыхъ Половцевъ (откуда и выраженіе: идолище Тьмутараканское), Дивъ и бьетъ тревогу на всю эту округу, отъ Волги до Тьмутараканн, призывая хозяевъ земли, Половцевъ, беречься вторгнувшихся чужеземцевъ. Кого же здѣсь разумѣютъ подъ Дивомъ?

Этимъ именемъ—объясняютъ иные—зовутъ зловѣщую птицу, филина; авторъ только и рисовалъ эту простую картину: зловѣщая птица прокричала съ вершины дерева, и жутко стало воинамъ Игоря. Этотъ зловѣщій крикъ отдался въ ихъ душѣ, какъ зовъ нечистой силы, кликнувшей Половцевъ противъ нихъ. Допустимъ что оно и такъ; но въ поэзіи всякое представленіе болѣе или менѣе фантастично и возбуждаетъ въ душѣ цѣлый строй впечатлѣній однородныхъ, параллельныхъ. Поэтому и *дивъ* въ этомъ мѣстѣ можетъ означать кромѣ филина еще какой-нибудь зловѣщій образъ. Только нѣтъ никакой надобности разумѣть тутъ непремѣнно что-нибудь таинственное и миѳологическое. Напротивъ того, сходственныя поэтическія параллели могутъ тутъ быть совершенно простаго характера и отвѣчать самымъ фамиліярнымъ мотивамъ тогдашняго быта. Какой бы другой образъ, кромѣ филина, ни разумѣлся въ зловѣщемъ дивѣ, ясно однакожъ что этому образу приписывается именно вѣщаніе; во всякомъ случаѣ, это какой-то вѣстникъ; это какой-то вѣщунъ.

Намъ приломинается сторожевая жизнь степной русской украйны и весьма характерный способъ карауловъ, устроенныхъ для наблюденія за степными хищниками. Этотъ способъ, со времени кіевскихъ князей, боровшихся съ Половцами, сохранялся еще и въ московскій царскій періодъ, когда врагами уже являлись Крымскіе Татары. На одинокихъ дубахъ, разсѣянныхъ по всей безпредѣльной равнинѣ, сидятъ вверху стражники, дозорцы, и пристально смотрятъ въ безконечную степную даль. Подъ дубомъ еще другой стражникъ, и два осѣдланныхъ коня. Завидится вдали пыль или вообще какая-нибудь тревога отъ табуна или отъ войска, стражникъ подаетъ кличъ съ верху дерева; его товарищъ подъ дубомъ садится на одного изъ осѣдланныхъ коней и ѣдетъ къ слѣдующему такому же пункту.

Но вотъ разказъ очевидца, котораго такой способъ степ-

ныхъ карауловъ поразилъ какъ иностранца, ничего подобнаго не видѣвшаго на своей родинѣ; разказъ, относящійся уже ко временамъ царей московскихъ, но какъ мы сказали, такой же способъ степной охраны существовалъ и во времена Кіевской Руси.

„Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, Россіяне постулаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя Царскою, Крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части, при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями; одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Сіи всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже вдали замѣчаетъ скачущаго всадника и едва пойметь изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того что видѣли непріятеля; а нерѣдко вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ остававшійся при первомъ деревѣ также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища, тогда съ прибытіемъ вѣстника войско берется за оружіе“ (Маржеретъ изд. Устрялова).

Въ приведенномъ разказѣ иностранца могутъ быть невѣрны нѣкоторыя подробности, такъ напримѣръ иногда могъ товарищъ дозорца скакать по его крику съ дерева, иногда самъ дозорщикъ; но отъ этого ничего не измѣняется. Вотъ этихъто стражниковъ, вѣстниковъ, дозорцевъ—дружинники на своемъ фамильярномъ языкѣ и могли величать дивами, если подъ дивомъ дѣйствительно разумѣется сова зловѣщая. Впрочемъ, корень *див*, *дивится* самъ по себѣ означаетъ дозорца, такъ какъ въ малорусскомъ нарѣчіи *дивиться* значитъ просто: глядѣть; а въ великорусскихъ губерніяхъ народъ говоритъ:

чему дивиться? если на что-нибудь пристально засмотрѣлись.

Такимъ образомъ, къ болѣе фамильярнымъ представленіямъ которыя могли смѣшиваться съ общимъ поэтическимъ представленіемъ дива, относилось и представленіе о такихъ именно стражникахъ, о такихъ именно степныхъ вѣстникахъ.

Когда первый стражникъ, возвѣстившій тревогу, самъ сходилъ съ дерева на землю и на своемъ собственномъ конѣ являлся въ городъ подтвердить тревогу, тутъ ужь войско не мѣшкая выступало въ походъ противъ вторгнувшагося чужеземца. Вотъ это-то на фамильярномъ (а вовсе не на торжественномъ) языкѣ дружинниковъ и могло значить: „Уже дивъ свергнулся на землю!“—выраженіе, которое далѣе и встрѣчается въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*.

Послѣ разказа о томъ какъ Игорево войско было разбито и самъ князь взятъ въ плѣнъ, есть мѣсто въ *Словѣ* которое наиболѣе смущало ученую критику. Для его объясненія придумали цѣлую гипотезу о двуликой сиренѣ, о какой-то миѳической Дѣвѣ-Обидѣ. Мы совершенно упраздняемъ эту Дѣву-Обиду, и читаемъ это искаженное мѣсто такъ: „И вотъ, братья! ужь невеселое времячко наступило! Пустыня силушку похоронила! Проснулась печаль-досада (обида) въ разбитомъ войскѣ князя!“ Здѣсь ставимъ мы точку, картина обиды кончилась; и слѣдующій періодъ объясняетъ напротивъ того: какою радостью отозвалась вѣсть о побѣдѣ надъ русскимъ княземъ на азовскомъ побережьи въ самой Тьмутаракани, то-есть въ землѣ Половцевъ. Этотъ періодъ мы читаемъ такъ: а дивъ вступилъ на землю Тьмутараканскую и заплескавъ лебедиными крылами у Дону на берегу Синяго моря, возвѣстилъ широкораздольныя времена. (Тьмутараканская земля въ устахъ умствовавшаго книжника обратилась въ землю „Трояню“ и „Бояню“.)

Наше толкованіе этого мѣста (раздѣленіе одного періода на два различныхъ, при чемъ обиду относимъ только къ разбитому войску Игоря; и замѣна стиха: „Дѣвою вступила“ стихомъ „а дивъ вступилъ“) просто и правдоподобно. Оно воспроизводитъ поэтическую картину которая такъ естественно возникла въ воображеніи лѣвца: печаль-досада въ разбитомъ войскѣ; обида съ одной стороны; и ликованіе побѣды съ другой, то-есть у Половцевъ въ Тьмутаракани! Это толкованіе подтверждается подлинникомъ Пушкинской редакціи; у него

читаемъ: „вступилъ“, а вовсе не „вступила“. Такъ какъ сказуемое: *вступилъ* отнесли къ подлежащему: Дѣва-Обида, то естественно было замѣнять мужскую форму глагола формою женской. Но замѣчательно что были еще, кромѣ того, ученыя попытки объяснить самую эту неправильность сочетанія подлежащаго со сказуемымъ миѳологическими догадками. Дѣва-Обида, говорили, есть не что иное какъ миѳологическая Сирена; а Сирена уже дѣйствительно представляется существомъ то мужескаго, то женскаго рода. Въ этомъ будто намѣреніи лѣвецъ и употребилъ мужской родъ *вступилъ*, говоря о Дѣвѣ-Обидѣ.

Наше толкованіе этого мѣста, скажемъ въ заключеніе, подтверждается еще параллельнымъ мѣстомъ *Слова* которое повторяетъ опять ту же картину, то-есть съ одной стороны ликованіе Половцевъ въ Тьмуторакани, съ другой горесть разбитаго войска Игоря: именно, бояре Святослава въ Кіевѣ, въ отвѣтъ на его разказъ о видѣнномъ зловѣщемъ снѣ, говорятъ: на рѣкѣ Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, Олегъ и Святославъ заволоклись тьмою. Князьямъ-соколамъ крылья подрѣзаны; ихъ опутали въ желѣзныя путы, а въ то же время на Азовскомъ поморьѣ, въ Тьмуторакани, ликованіе побѣды. Тамъ дѣвушки заиграли веселыя пѣсни, и позваниваютъ русскимъ Игоревымъ золотомъ. Ясно что это только параллельное воспроизведеніе той же картины, повтореніе того же описанія.

Если можно привести еще другое мѣсто въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*, которое подавало поводъ къ такимъ же недоразумѣніямъ какъ пресловутое мѣсто о Дѣвѣ-Обидѣ, такъ это слѣдующее. Пожалѣвъ о старыхъ временахъ единодержавія Владиміра, лѣвецъ говоритъ такъ: а нынѣчѣ подѣлились полковыя знамена Владиміра между его потомками. Одни знамена принадлежатъ князю Рюрику, другія—князю Давиду; но уже въ розницу развѣваются ихъ лохмотья. Картина въ высокой степени поэтическая и въ то же время чрезвычайно простая. Но это мѣсто долгое время читалось совершенно неправильно. „Стяги“, знамена, было прочитано: *сташа*; выраженіе: развѣваются, распахиваются, было понято въ смыслѣ воздѣлыванія земли пахотою: „пашутъ“; возвратное мѣстоименіе *ся*, отнесли къ слову *розно*, которое въ свою очередь было принято за *рога*, *рози*. Выходитъ чудовищный смыслъ; но на немъ

настаивали. „Но рози нося имъ, хоботы лашутъ". „Это безхитростное, ясное выраженіе (говоритъ одинъ изъ глоссаторовъ) почитается загадочною фразой, однимъ изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ лозмѣ, и толкованія одно другаго страннѣе. Это выраженіе пѣвецъ не выдумалъ, а подслушалъ въ народѣ, который былъ истощенъ безпрестанными войнами. Отдавая лучшихъ мужей, силу свою, *роги*, въ полки Рюрика и Давида, приходилось лахать оставшимися въ селахъ хвостами, слабыми женщинами и старцами." (Вельтманъ)

Есть еще одно мѣсто въ *Словѣ* которое, по мнѣнію большей части глоссаторовъ, объяснено какъ нельзя лучше, но которое едва ли не было бы благоразумнѣе вовсе выбросить, обозначивъ точками, какъ явное искаженіе или какъ такое четверостишіе въ которомъ ошибокъ и описокъ больше чѣмъ стиховъ. Пѣвецъ оплакалъ несчастіе Игоря поэтическими стихами: „Высоко занесся соколъ, птицъ сбивая къ морю! Храбрыхъ Игорева войска—нѣтъ, не воскресить ужь;" И прежде чѣмъ перейти къ описанію плача женъ по всей Русской землѣ, говоритъ, по Пушкинской редакціи, слѣдующее: „За нимъ кликну, карна и жля поскочи по русской землѣ, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ. Жены русскія восплакашась" и пр.

Карну и *желю* глоссаторы обратили въ собственныя имена половецкихъ хановъ, и устремивъ ихъ съ огнемъ и мечомъ на русскія села, они вставили имъ въ руки какой-то пламенный рогъ, изъ котораго будто, какъ изъ древняго огнестрѣльнаго оружія, ханы метали огонь и вообще зажигательные снаряды. Картина смѣлая. Половцы Карна и Желя скачутъ по русской землѣ и мечутъ огонь изъ пламеннаго рога! Но, *во-первыхъ*, современные половецкіе ханы были Гзакъ и Кончакъ, поминутно поминаемые въ самомъ *Словѣ* и которыхъ имена подтверждаются лѣтописями; напротивъ того, о Карнѣ и о Желѣ нигдѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. А *во-вторыхъ* самая картина древняго огнестрѣльнаго оружія въ видѣ какого-то пламеннаго рога, изъ котораго мечется смага, картина слишкомъ натянутая. Такимъ образомъ и простое художественное чувство, и грамматическій смыслъ, одинаково не допускаютъ принять такое толкованіе этого очевидно испорченнаго и совершенно искаженнаго четверостишія. По связи смысла съ предшествующимъ и послѣдующимъ, по сличеніи этого мѣста съ заклю-

чительными стихами: *Жалость и печаль потекли жирно по Русской земль*, едва ли не будетъ правильнѣе допустить что здѣсь говорится не о половецкихъ ханахъ, а о той именно жалости и печали которыя потекли по Русской землѣ, оглашаясь воплями въ народѣ. Такимъ образомъ при вступленіи къ описанію плача и горести повторились бы тѣ же самыя выраженія которыми заключено описаніе,—оборотъ не одинъ разъ употребляемый пѣвцомъ. При такомъ возсозданіи этого мѣста можно будетъ по крайней мѣрѣ опредѣлить элементы искаженныхъ словъ. *Карна*, быть - можетъ, должно читать просто „жирно“, какъ и читается дальше въ стихѣ: „Печаль жирна тече средь земли Русской“; а для объясненія слова „Желя“ довольно указать слѣдующія мѣста лѣтописей о томъ же событіи: „и тако въ день Воскресенія наведе на ны плачъ и жаль на рѣцѣ Каялы“, „въ радости мѣсто наведе на мя плачъ, а въ веселье мѣсто желю.“ Такое простое объясненіе, повторяемъ, оправдывается заключительными стихами этого описанія, которые обыкновенно составляютъ лишь перифразисъ начала, общеупотребительный пріемъ у пѣвца на протяженіи всей поэмы. Но такъ или иначе, а отъ половецкихъ хановъ Карны и Жели приходится рѣшительно отказаться.

Въ одной изъ самыхъ послѣднихъ строфъ поэмы есть еще одно искаженное мѣсто; отъ него отказывались даже такіе глоссаторы которые не смущались строфами ни о Дѣвѣ-Обидѣ, ни о пашущихъ рогахъ населенія. Вотъ оно по Пушкинской редакціи: „Рекъ Боянъ и ходы на Святослава пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти тяжко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“. Это мѣсто дало поводъ, между прочимъ, одному ученому обвинять Бояна во враждебности ко всѣмъ прочимъ княжескимъ пѣвцамъ. Боянъ, утверждалъ этотъ толкователь *Слова о Полку Игоревѣ*, ходилъ на Ярославова пѣвца какою-то войною. Сбивчивость этого мѣста совершенно уничтожится, если допустить самыя незначительныя поправки; вмѣсто *ходы на* читать *годины*, или *годинъ*—слово весьма часто употребляемое пѣвцомъ, и еще слѣдуетъ отнести *хоти* (въ чемъ подозрѣвали родительный падежъ существительнаго *хоть*, душа, жена) къ самой поговоркѣ о головѣ безъ плечъ или тѣла безъ головы, какъ простой союзъ *хотя*. „Хоть и тяжко тебѣ головѣ безъ

плечъ, однакожь горе и тебѣ, тѣлу безъ головы!“ такою древнею поговоркою выражалась печаль земли, осиротѣвшей безъ князя, когда онъ уходилъ въ походъ или погибалъ въ бою. Печаль знакомая княжествамъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ! Мудрено ли что и самую поговорку или прилѣвку, въ которыхъ выражалась эта постоянная печаль Русской земли, приходилось повторять пѣвцамъ чуть ли не всѣхъ княженій. Прибѣгнувъ къ этой же поговоркѣ для выраженія скорби Русской земли безъ Игоря, пѣвецъ *Слова* естественно могъ уломянуть что она, эта извѣстная поговорка, повторялась и баснословнымъ Баяномъ, и всѣми пѣснотворцами стараго времени, какъ Ярослава, такъ и Олега князя. *Коганъ* вмѣсто князь говорилось въ старину въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ; пѣвецъ *Слова* могъ употребить это слышанное имъ, и встрѣченное въ рукописяхъ, выраженіе безъ строгаго разбора. Такимъ образомъ, указанное мѣсто мы читаемъ такъ: Говорилъ Боянъ, и годины Святославовой пѣснотворцы стараго времени, а также и пѣснотворцы Ярослава и Олега князя: хоть тяжко тебѣ, головѣ безъ плечъ; но тяжко и тебѣ, тѣлу безъ головы, Русской землѣ безъ Игоря.

Въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* редакція не только цѣлыхъ періодовъ, но даже отдѣльныхъ строкъ, наконецъ отдѣльныхъ словъ, или простое опущеніе частицы *не*, а иногда напротивъ пристановка этой частицы гдѣ не слѣдовало, вводили въ большое заблужденіе критику.

Бояна пѣвецъ называетъ соловьемъ стараго времени. „О Бояне! соловію стараго времени!“ говоритъ онъ въ одномъ стихѣ, который не подаетъ повода подозрѣвать въ немъ поврежденности. Этимъ стихомъ и слѣдуетъ руководиться для истолкованія прочихъ стиховъ о Боянѣ, которые, напротивъ, обличаютъ испорченность редакціи. Въ извѣстномъ описаніи фантазіи Бояна, который взвивался какъ орелъ подъ облаками, есть еще стихъ, читаемый иными: „Растѣкашется мыслію по древу.“ Это *мыслію* принималось другими за *мышью*, мышію; наконецъ, если не мышью, то векшею, бѣлкою. Строгость параллелизма дѣйствительно требуетъ чтобы фантазія Бояна, летавшая орломъ подъ облаками, растекалась бы и по дереву не чѣмъ-нибудь, а кѣмъ-нибудь. Вмѣсто *мыслію*, и слѣдуетъ читать: „Растѣкашеть славіемъ по древу.“ Что здѣсь опискою поставлено *мыслію*, а слѣдуетъ читать: *славіемъ*, до-

казывается именно послѣдующимъ мѣстомъ, въ которомъ Боянъ прямо называется соловьемъ, и вслѣдъ за такимъ прозвищемъ соловья, прибавлено еще: „скача соловьемъ по дереву“. Но куда же дѣвалось: *мыслію?* Такъ какъ въ этомъ стихѣ нельзя было обойти соловья, а прямо сказано: „скача соловьемъ по дереву“, то переписчикъ, введенный въ заблужденіе предыдущею описко̀ю: *мыслію по древу*, вставилъ отъ себя *мысль* и въ этотъ новый стихъ: вышло безграмотное *скача соловьемъ по мыслену древу*. Для исправленія слѣдуетъ читать въ предыдущемъ стихѣ: соловьемъ по дереву; это же самое повторить и въ послѣдующихъ стихахъ, выкинувъ только ошибочно вставленное „мыслену“. Смыслъ такимъ образомъ получается несомнѣнный и ясный.

Подыскивая припѣвки на старинный ладъ, на ладъ Бояна, для описанія выступленія въ походъ, лѣвець иносказательно говоритъ съ одной стороны о Русскихъ, которые молодцами идутъ черезъ широкую степь, съ другой стороны о Половцахъ, которые также понеслись къ Дону на встрѣчу врагамъ. Понятенъ по этому стихъ: не буря понесла соколовъ черезъ степь широкую (что̀ относится до Игорева войска); не галки стадами бѣгутъ къ великому Дону (что̀ относится къ Половцамъ). Но такъ какъ частица *не* пропущена въ Пушкинской редакціи при второмъ стихѣ, то и представляетъ совершенную безсмыслицу стихъ употребляемый иными: не буря понесла соколовъ черезъ широкую степь, а это галки бѣгутъ стадами къ великому Дону.

При видѣ солнечнаго затменія, князь Игорь, не смутясь дурнымъ предзнаменованіемъ, говоритъ рѣчь дружинѣ о походѣ на Половцевъ. Рѣчь князя въ этомъ мѣстѣ перебита на двое слѣдующею вставкою: „Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе застули искусити великаго Дону“. Это *похоти* иные объясняли тѣмъ что князю на умъ вспала мысль о *женѣ*. „Хоть“ въ смыслѣ душенька, а душа въ смыслѣ любимой жены, дѣйствительно употреблено одинъ разъ авторомъ въ стихѣ: „своей милой хоти, красной Глѣбовны!“ Но здѣсь напрасно искать того же смысла. Такъ какъ въ древнемъ стихотворствѣ придается большое значеніе именно параллелизму, причемъ соблюдается строгая симметричность всѣхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, а далѣе въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ „знаменіе застули“, то̀ едва ли не справедлива догадка Вельтмана

что *похоти* есть только испорченное „похыте“ сказуемое къ подлежащему „спала“, а „спала“ есть существительное, и въ этомъ случаѣ подлежащее, обозначающее: лылъ, лылкость. *Спала*, можетъ быть наконецъ ошибочно написано вмѣсто: Слава; во всякомъ случаѣ, впрочемъ тутъ и лылъ, лылкость употреблено въ смыслѣ славы и славолюбія. На этомъ основаніи этотъ стихъ можно истолковать такъ: Слава князю умъ вскружила, или: лылкость отняла умъ у князя. Но во всякомъ случаѣ, переводъ этого мѣста стихомъ: Князю пришла мысль о женѣ—слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть.

Къ труднымъ мѣстамъ, не дававшимъ возможности никакого объясненія, можно еще отнести слѣдующія выраженія при описаніи Полоцкаго князя Всеслава: „Клюками подперся о кони“ и „вонзи стрикусы.“ Послѣднее объясняли какими-то подвижными возами со стѣнобитными орудіями, съ помощью которыхъ Всеславъ будто овладѣлъ Новгородомъ. Вѣрнѣе предположить искаженіе текста. Такъ какъ въ описаніи Всеслава тянется непрерывный рядъ глаголовъ, сказуемыхъ: Всеславъ металъ жребій, подперся клюками, поскакалъ, достигнулъ и такъ далѣе; въ каждомъ стихѣ отдѣльный глаголъ, отдѣльное сказуемое, то можно заключить по параллелизму что и „вонзи“ долженъ быть глаголъ со смысломъ сказуемаго, и по всей вѣроятности: *вонзи*, вонзилъ. Такъ какъ притомъ Всеславъ представленъ какимъ-то рыскучимъ звѣремъ, рыцаремъ не покидающимъ коня ни днемъ, ни ночью, то къ его фигурѣ по *Слову о Полку Игоревѣ*, всего приложимѣе картина именно всадника который то и дѣло коню задаетъ шпоры. Слово „колки“ въ смыслѣ шпоръ могло употребляться встарину; вѣроятно „клюками“ есть только описка вмѣсто „колками“ Слѣдовательно *подперся колками* значитъ втиснулъ въ коня шпоры, чему и отвѣчаетъ слѣдующій стихъ: и понесся къ городу Кіеву. Но если „той клюками подперся о кони“ дѣйствительно значитъ втиснулъ въ коня шпоры; то всего вѣроятнѣе что и въ послѣдующемъ стихѣ *вонзи стрикусы* повторена только прежняя картина: вонзилъ шпоры, или просто: задалъ шпоры.

Нѣтъ надобности останавливаться на мелкихъ подробностяхъ, которыя конечно всякій изучавшій этотъ памятникъ знаетъ наизусть и, увидавъ ихъ въ нашемъ переложеніи нѣсколько въ иной редакціи, самъ себѣ отдастъ отчетъ: почему мы именно такъ, а не иначе читаемъ подлинникъ.

Приступаемъ къ самому переложенію:

Вотъ, на что бы лучше, братья,
Начать намъ на старинный ладъ
Важное сказанье
О походѣ Игоря—
Игоря Святославича?
Начаться же той пѣснѣ
По современнымъ событіямъ,
А не по сочиненію Бояна.

А когда Боянъ вѣщій
Хотѣлъ кому пѣснь творить —
Онъ расточался соловьемъ по дереву,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

Помните ль — бывало скажетъ —
Первыхъ временъ усобицы?
И какъ напуститъ десять соколовъ
На стаю лебёдокъ....
Которую настигнетъ —
Та и запѣвала напередъ:

(Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что̀ зарѣзалъ Редедю
Предъ полками Косожскими,—
Красавцу Роману Святославичу).

Боянъ-то, братья,
Не десять соколовъ
Пускалъ на стадо лебединое,
А пальцы вдохновенные свои
Положитъ только на живыя струны—
И онѣ ужъ сами
Князьямъ гремѣли славу.

Начнемъ-те же такую повѣсть, братья,
Отъ стараго Владиміра
До нынѣшняго Игоря,
Какъ онъ умъ свой искусилъ твердостью,

Сердце изощрилъ мужествомъ,
Исполнился ратнаго духа
И навелъ свои храбрые полки
На землю Половецкую
— За землю Русскую.

Вотъ, Игорь поднялъ взоръ на свѣтлое солнце
И видитъ: всѣ его воины
Прикрыты отъ него затменьемъ.

И сказалъ Игорь
Своей дружинѣ:
„Братья и дружина!
По-нашему: лучше мертвымъ пасть
Чѣмъ живымъ въ плѣнъ даться.
Сядемъ-ка, братья, на своихъ борзыхъ коней,
Да посмотримъ-ка синяго Дону!“

Слава князю умъ плѣнила;
Желанье попытать Дону великаго
Ему и знаменье заслонило.
„Хочу, говоритъ, копье преломить
Объ край поля Половецкаго,
Съ вами, Русскіе!
Мнѣ хоть голову свою положить,
А лишь бы испить
Шлемомъ Дону!“

О, Боянъ,
Соловей стараго времени!
Кабы ты воспѣлъ этотъ походъ—
Соловьемъ разсыпаясь по дереву,
Летая орломъ подъ облаками,—
Сложилъ бы намъ славу вкругъ нашего времени!

Слѣдуя за Бояномъ
Чрезъ поля на-горы,
Такъ бы было пѣть пѣснь Игорю
Боянову потомку:
„Не буря понесла соколовъ
Чрезъ поля широкія,
Не галки стадами бѣгутъ
Къ великому Дону!...“

Или еще вотъ бы какъ,
О, вѣщій Боянъ,
Внукъ Велесовъ!

— Кони ржутъ за Сулою,
— Гремитъ слава въ Кіевѣ,
— Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
— Знамена разстанавливаются въ Путивлѣ.

Игорь ждетъ своего милаго брата Всеволода.
И сказалъ ему удалой Всеволодъ:

„Одинъ у меня братъ,
Одинъ мой свѣтъ свѣтлый,
Ты Игорь —
Оба мы Святославичи!“

„Ты сѣдлай же, братъ,
Своихъ борзыхъ коней;
А мои тебѣ давно готовы,
Напередъ у Курска осѣданы!
А мои Куряне—чѣмъ не молодцы славные?
Вспеленуты подъ трубами,
Баюканы подъ шлемами,
Концомъ копья вскормлены.
Дороги—всё имъ извѣстныя!
Овраги—всё имъ знакомые!
Луки у нихъ натянуты,
Колчаны вскрыты,
Сабли отлущены,
Скачутъ какъ сѣрые волки въ поле,
Ищутъ чести самимъ себѣ,
А князю славы.“

Тогда вступилъ Игорь князь
Въ золотое стремя,
И поѣхалъ по чистому полю,—

А солнце ему тьмою путь застилало.

И вотъ ночь, застонавъ грозой, птицъ взбудила;
По-лѣсу пошелъ свистъ звѣриный;
Злой вѣщунъ кличетъ вверху дерева,
Велитъ стеречься
Невѣдомыхъ чужеземцевъ
— И Волгѣ, и Поморью, и Посулью,
Сурожу и Корсуни,
И тебѣ, идолище тмутораканское!

Сами Половцы, по дорогамъ неизготовленнымъ,
Побѣжали къ великому Дону;
Разскрипѣлись ихъ арбы въ полночь,
Какъ распуганные лебеди, сказать бы.

Игорь войско къ Дону ведетъ.
Ужь бѣда его манитъ птицъ по-удолью;
Волки зачуяли грозу по оврагамъ;
Орлы клектомъ сзываютъ звѣрей на кости;
Лисицы такъ и лаютъ на багряные щиты.

О, Русь!
Ты — уже за рубежемъ.

Долго ночь меркнетъ,
Свѣтъ-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щелканье соловьевъ смолкло,
Галочій говоръ угомонился.
Русскіе всю широкую степь
Загородили багряными щитами,
Ищутъ чести самимъ себѣ,
А князю славы.

Въ пятницу, на зарѣ рано,
Они потоптали поганые
Половецкіе полки;
И, разсѣясь по-полю стрѣлами,
Забрали красныхъ дѣвокъ половецкихъ,
А съ ними золота и паволокъ,
И дорогихъ бархатовъ.
Армячками, япанчейками, кожухами,

Начали мосты мостить
По грязямъ да по болотамъ —
И всякими драгоцѣнностями Половецкими.

А красное древко—хоругвь бѣлая —
Красная чёлка—наконечничекъ серебряный,—
Вотъ добыча самого Святославича.

И заночевало въ полѣ
Храброе Олегово гнѣздо,—
О, какъ далёко залетѣло!

Породили его не затѣмъ чтобъ въ обиду дать:
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ, черный воронъ,
Поганый Половчанинъ!

Ханъ Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
Кончакъ ему заправляетъ слѣдъ
Къ великому Дону.
И на другой день ранёшенько
Кровавыми зарями разсвѣтъ возвѣщается.
Черныя тучи идутъ съ моря,
Въ нихъ трепещутъ синія молніи,—
Прикроютъ они собой четыре красныхъ солнышка!
Быть грому великому!
Идти дождю стрѣлами
Съ великаго Дону!
Здѣсь-то будетъ копьямъ приломаться!
Здѣсь-то натрещаться саблямъ
Объ шлемы Половецкіе
— На рѣкѣ Каялѣ
У великаго Дону.

О, Русь!
Ты уже за рубежомъ!

И вотъ съ моря—внуки Стрибога —
Вѣтры повѣяли стрѣлами
На храбрые Игоревы полки....

Земля задрожала отъ гула,
Рѣки лотекли мутно,
Вся стель покрывается лылью.
Знамёна заговорили....
Это Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря;
И со всѣхъ сторонъ
Они русскіе полки обступили.
Буссово отродье,
Они кликами покрыли всю стель;
А храбрые Русскіе
Загородились багряными щитами.

О, удалой Всеволодъ!
Ужь ты выступилъ на оборону.
Прыщешь на враговъ стрѣлами,
Гремишь объ шлемы
Воронеными мечами.
Куда обернешь коня,
Золотымъ шлемомъ посвѣчивая,—
Тамъ и валятся поганыя
Головы Половецкія.
Исщелены саблями калеными
Ихъ аварскіе шлемы—
Тобою, все тобой, яръ-туръ Всеволодъ!

„Братцы! важны ли тому какія раны
Кто забылъ жизнь и почести!
Ужь не помнитъ города Чернигова,
Ни отцовскаго золотаго стола,
Ни даже своей души милой
Красной Глѣбовны —
Совѣта и привѣта?“

Былъ вѣкъ Траяновъ.

Прошли года Ярославовы.
Миновали и Олеговы походы
— Олега Святославича.
Ужь какъ тотъ Олегъ
Мечомъ крамолу ковалъ,
Онъ ее стрѣлами по землѣ сѣялъ.

Вступаетъ, бывало, въ золотое стремя
Еще въ городѣ Тьмутораканѣ,
А ужь звонъ слышалъ
Издали великій
Ярославовъ сынъ Всеволодъ.
А Владиміръ—тотъ каждое утро
Себѣ уши затыкалъ въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславича
Слава на судъ привела.
Уложила его на смертный зеленый коверъ
Храбраго и молодаго князя
—Все изъ-за обиды Олеговой.

Съ такой же, съ Каялы,
Поволокъ тогда Святополкъ отца своего
—Окруженъ венгерскою конницей—
Ко святой Софіи, къ Кіеву.

Тогда, при Олегѣ Гориславичѣ,
Засѣвалось, заростало усобицей,
Загибало достоянье Дажь-Божьяго внука,
Отъ княжескихъ крамолъ
Вѣкъ людей сократился.
Тогда по Русской землѣ
Рѣдко покликивали оратаи,
Но часто воронà каркали,
Дѣля трупы между собою;
Да галки заговаривали свои рѣчи
Сбираясь летѣть на покормку.

Вотъ что̀ было въ тѣ рати и въ тѣ войны,
А такой рати еще и не слыхано!

Съ утра до вечера,
Съ вечера до свѣта,
Летятъ стрѣлы каленыя,
Гремятъ сабли обо шлемы,
Трещатъ копья вороненыя

—Въ степи безвѣстной
Среди земли Половецкой.

Черная земля подъ копытами
Костями была усѣяна,
Политà кровью,—
И горемъ всходы взошли
По Русской землѣ.

Что̀ это шумитъ?
Что̀ это звенитъ?
...Тамъ далеко—передъ утренней зарею?
Это Игорь заворачиваетъ полки:
Ему жаль брата,
Милаго брата Всеволода.

Бились день,
Бились другой;
На третій день къ полдню
Пали Игоревы знамена.

Здѣсь, на берегу быстрой Каялы,
Два брата между собой разлучилися!
Здѣсь кроваваго вина не достало;
Здѣсь до конца пиръ покончили
Русскіе богатыри.

Сватòвъ напоили,
Да и полегли сами
За землю Русскую.

Поникла трава отъ жалости,
И дерево съ тоскою
Къ землѣ приклонилось.

И вотъ, братцы,
Ужь невеселое времячко наступило!
Пустыня силушку похоронила.
Проснулась печаль-досада
Въ войскѣ Дажь-Божьяго внука.

А вѣщунъ ступилъ на землю Троянскую
И лебедиными тамъ заллескалъ крылами!
На синемъ морѣ
У Дону плещучи,
Возвѣстилъ широко-раздольныя времена!

Въ князьяхъ усобица, а намъ отъ поганыхъ погибель.
Какъ сталъ говорить братъ брату:
„Это мое, а вотъ это мое-же“—
И начали князья про малое
„Ахъ, это великое!“ молвить—
Сами на себя крамолу ковать начали.
А поганые со всѣхъ сторонъ
И пошли приходить съ побѣдами
На землю Русскую.

Далекò занесся соколъ,
Птицъ сбивая къ морю!
...Храбрыхъ Игорева войска
Нѣтъ, не воскресить ужь!

Кликнули по немъ! Жалость широко
Потекла по Русской землѣ
. . . . . .
Жены русскія восплакались,
Причитывали:
„Уже намъ своихъ милыхъ дружкòвъ
Ни мыслею не смыслить,
Ни думою не вздумать,
Ни очами на нихъ не поглядѣть;
А того золота и серебра
Не думай и потрогать!“

И застоналъ, братья,
Кіевъ тоскою,
И Черниговъ отъ напастей.
Тоска разлилась
По всей Русской землѣ,
И печаль потекла широко.

Да! князья сами на себя
Крамолу ковали,—
А поганые (которыхъ сами они и обрушили
На Русскую землю съ побѣдами)
Брали дань
Отъ двора по бѣлкѣ.
Ужь эти два храбрыхъ Святославича,
Игорь и Всеволодъ,
Только разбудили старинное зло,—
А какъ, было, усыпилъ его
Отецъ ихъ, Святославъ Грозный,
Великій Кіевскій!

Какъ грозно, было, притрепалъ онъ ихъ
Своими сильными полками,
Булатными мечами.
Онъ наступилъ на землю Половецкую,
Притолталъ холмы и овраги,
Помутилъ рѣки и озера,
Изсушилъ потоки и болота;
А того поганаго Кобяка
— Изъ среды его великихъ желѣзныхъ
Полковъ Половецкихъ—
Будто вихремъ вырвало изъ Лукоморья,
И палъ-очутился Кобякъ въ Кіевѣ—
Въ гридницѣ у Святослава.

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава
Поютъ славу Святославову,—
Они оплакиваютъ князя Игоря,
Который все доброе похоронилъ
На днѣ Каялы,
Половецкой рѣки,—
Разсорилъ тамъ русское золото.

Тамъ князь Игорь былъ высаженъ
Изъ княжескаго золотаго сѣдла
Въ сѣдло невольника.

Пріуныли по городамъ ихъ зубчатыя стѣны,
Все веселіе поникло.

Святославъ видѣлъ смутный сонъ
Въ Кіевѣ на горахъ.

— Всю ночь, говоритъ, съ самаго вечера,
Одѣвали меня, покрывали меня,
Черными гробовыми покровами—
На кровати тесовой.
Подносили мнѣ синее вино
Съ горечью смѣшанное.
Изъ пустыхъ колчановъ
Поганыхъ кочевниковъ
Сыплютъ мнѣ на ложе крупнымъ жемчугомъ,
Да еще и ублажаютъ меня!

Ужь однѣ стѣны голыя! А угловъ нѣтъ!
Въ теремѣ моемъ златоверхомъ.

Съ вечеру во всю ночь
Каркали вороны
У Плѣньска, на Подолѣ,
Гдѣ дебрь Кисанова,—
И понесло ихъ вдругъ къ синему морю!

И отвѣчали бояре князю:
„— Князь! Ужь тоска умъ плѣнила.
Это, вотъ, два нашихъ сокола слетѣли съ гнѣзда,
Съ отцовскаго золотаго стола—
Поискать города Тьмутороканя,
Или испить
Шлемомъ Дону!
Да ужь соколамъ крылышки
Олѣшаны саблями поганыхъ;
Ихъ самихъ опутали
Въ желѣзныя путы.
Какъ была темнота третьяго дни,
Еще два солнышка померкли,
И оба багровыхъ столпа угасли,—
Закатились съ ними и два молодыхъ мѣсяца,
Олегъ и Святославъ—
Въ морѣ заволоклись тьмою!
Дерзость великая взялась у хана.

На рѣкѣ Каялѣ
Тьма свѣтъ покрыла,
По всей Русской землѣ
Высыпали Половцы
Пуще чѣмъ рысиные выводки.
Ужь хула снеслась на хвалу,
Разразилась бѣда надъ волей!
Злой вѣщунъ свергнулся на землю!
Вонъ ужь готѳскія красныя дѣвушки
Заиграли веселыя пѣсни
На берегу синяго моря.
Русскимъ золотомъ позванивая
Онѣ поютъ время Буссово,
Прославляютъ отмщенье Тугорканово,—
А мы, твоя дружина, только и ждемъ весельица! "—

Тогда великій Святославъ
Выронилъ золотое слово
Со слезами смѣшанное,
И сказалъ:

— О, мое племячко,
Игорь и Всеволодъ!
Рано же вы затѣяли
Половецкую землю мечами крушить,
А себѣ искать славы!
Да неудачно вы напали,
Неудачно и поганую кровь пролили.
О, ваши храбрыя сердца
Кованы жестокою ковкой,
И закалены въ смѣлости,—
Но вотъ чего натворили
Вы моей серебряной сѣдинѣ!
Не увижу я больше власти сильнаго и богатаго,
Ни множества воиновъ брата моего Ярослава
Съ его черниговскими вольными людьми,
Съ Могучими, и съ Татранами,
Съ Шельбирами, и съ Толчаками,
И съ Ревугами, и съ Ольберами!
Тѣ вонъ безъ щитовъ, съ своими засапожными ножами,
Однимъ кликомъ побѣждаютъ полки,
Гремя славою моего прадѣда!

А вы похвалились: возьмемся-ка сами!
Славу, что̀ впереди насъ—захватимъ,
А что̀ позади насъ—съ собой подѣлимъ!..

Что̀ жь, братья!
Диво что ль, думаете, мнѣ старому помолодѣть?
Когда соколъ въ мыту бываетъ,
Тутъ-то онъ и сбиваетъ птицъ высоко,
Не отдастъ своего гнѣзда въ обиду!
Да вотъ гдѣ зло: князья мнѣ больше не пособники,
Ничкóмъ времена извернулись!

Слышите ли: ужь кричатъ въ Ромнахъ
Подъ саблями поганыхъ Половцевъ?
Ужь князь Владиміръ весь въ ранахъ лежитъ—
Тягота и тоска Глѣбовичу!

О, великій князь Всеволодъ!
У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прилетѣть издалёка
Отцовскаго золотаго стола поберечь!
А ты вѣдь можешь
Волгу раскропить вёслами,
Шлемами весь Донъ вычерлать.
Будь только ты съ нами—
У насъ невольница была бы по ногатѣ,
И невольникъ по резанѣ.
Ты вѣдь можешь по̀суху
Живыми шестолерами метать—
Удалыми сыновьями Глѣбовыми!

Ты, Давидъ, и удалой Рюрикъ!
Не ваши ли золоченые шлемы
Въ крови плавали?
Чьи жь это, какъ не ваши дружинники,
Рычатъ какъ волы дикіе,
Изранены калеными саблями—
Въ стели безвѣстной?

Вступите, господа,
Въ золотое стремя
За обиду нашего времени,

За землю Русскую,
За раны Игоря
Удалаго Святославича!

О, Ярославъ Осмомыслъ Галицкій,
Высоко сидишь ты
На своемъ златокованномъ столѣ!
Подперъ горы Карпатскія
Своими желѣзными полками,
Загородилъ луть Венгерскому королю,
Заперъ ворота на Дунаѣ.
Выше облакъ полчища перекидываешь
Высылаешь корабли по Дунаю.
Грозы твои по землямъ текутъ,
Кому хочешь въ Кіевѣ отворяешь ворота,
Воюешь съ отцовскаго золотаго стола
Салтановъ за далекими землями.

О, государь! ты воюй Кончака,
Поганаго Кощея—
За землю Русскую,
За раны Игоря —
Удалаго Святославича!

А ты Мстиславъ и Романъ удалой!
Храбрые замыслы
Увлекаютъ вашъ умъ на подвиги.
О, какъ ты высоко заносишься
Въ отважныхъ дѣлахъ!
Такъ соколъ ширяется по вѣтру
— Стремясь птицу въ рѣзвости одолѣть.

Есть у васъ желѣзные латники
Подъ латинскими шлемами!
Ими земля потряслась,
И многія хановскія страны.
Литва, Ятвяги, Зимергола и Половцы
Побросали свои сулицы,
И подъ тѣ ваши мечи булатные
Свои головы преклонили.

Но уже, князь,
Для Игоря ущербнулъ солнца свѣтъ,
И дерево не къ добру
Листье обронило.

Ужь по рѣкѣ Рси и по Сулѣ города подѣлили!
Храбрыхъ Игорева войска
Нѣтъ, не воскресить ужь!

Донъ тебя призываетъ, князь!
Всѣхъ князей зоветъ на побѣду.
Олеговичи храбрые князья,
Одни подослѣли на брань.

Ингварь и Всеволодъ!
И всѣ трое Мстиславичей!
Не худаго гнѣзда шестокрыльцы!
Не то чтобы жребіемъ побѣдъ
Себѣ волостей расхитили!
Гдѣ жь ваши-то золотые шлемы,
И щиты и ляшскія сулицы?
Обороните-прикройте дорогу въ стель
Своими острыми стрѣлами—
Ради земли Русской
Ради ранъ Игоря—
Удалаго Святославича!

Вотъ уже рѣка Сула
Не течетъ серебряными струями
Къ городу Переяславлю;
И Двина потекла болотомъ
Къ тѣмъ грознымъ Полочанамъ
Подъ кликами логаныхъ.

Одинъ лишь Изяславъ Васильковичъ
Позвонилъ своими острыми мечами
Объ литовскіе шлемы.
Онъ приложилъ славы
Дѣду своему Всеславу.
А самъ, подъ красными щитами,
На окровавленной травѣ
Уложенъ подъ литовскими мечами.

И проговорилъ онъ—какъ на кровать сложили—
„Дружину твою, князь,
Птицы пріодѣли крылами,
Звѣри ей кровь полизали!“
И не было тамъ брата Брячислава,
Ни другаго, Всеволода.
Одинъ-одинёшенекъ онъ выронилъ жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла
Сквозь ожерельице золотое.

Пріуныли голоса,
Все веселіе поникло.

Чу! трубы трубятъ Городенскія!
Ярославъ!
И всѣ внуки Всеславовы!
Опустите-преклоните ваши знамена!
Вложните ваши опозоренные мечи!
Вы уже выключили себя
Изъ дѣдовской славы.
Это вы своими крамолами
Дали примѣръ наводить поганыхъ
На землю Русскую,
На достоянье Всеславово!
И была котора, и насилье
Отъ земли Половецкой
— Какъ въ тотъ вѣкъ Траяновъ.

Всеславъ металъ жребій:
Какая изъ невѣстъ ему милѣе?
Онъ стиснулъ коня колками,
Понесся къ городу Кіеву,
И таки достигнулъ концомъ копья
Золотаго Кіевскаго престола.
Ускакалъ отъ нихъ
Лютымъ звѣремъ въ полночь,
Въ Бѣлгородѣ обернулся синей мглой;
Утромъ же вонзилъ стремена колючія—
Въ Новгородѣ отворилъ ворота:
Покончилъ славу Ярославову!
Задалъ скачокъ волкомъ
Оттуда до Немиги.

На Немигѣ снопы стелютъ головами,
Молотятъ вороненными цѣпами,
На точёкъ жизнь кладутъ,
Вѣютъ душу отъ-тѣла.

Кровавые берега Немиги
Не добромъ были посѣяны,
Посѣяны костями русскихъ людей.

Князь Всеславъ давалъ судъ людямъ,
Уряжалъ города между князьями,
А самъ по ночамъ
Волкомъ рыскалъ.
Какъ изъ Кіева онъ дорыскивалъ
До города Тьмутаракани;
Онъ великому Свѣтилу-Хорсу
Волкомъ пересѣкалъ дорогу.
Ему въ Полоцкѣ
Рано позвонили къ заутрени
Въ колоколъ у Святой Софіи,
А ему звонъ
Чудился въ Кіевѣ.

Хоть и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ,
Но бѣдами часто погрѣшала.
Вотъ на то-то вѣщій Боянъ
Прежде всего мудрую припѣвку сложилъ:
„Ни хитрому, ни проворному,
Ни птицей проворному
Не миновать суда Божьяго!“

О! стонать Русской землѣ
Помянувъ первое время
И первыхъ князей!
Для чего нельзя было того стараго Владиміра
Навсегда пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!
А нынчѣ его знамёна—одни князь-Рюриковы,
А другія — Давидовы,
И ужъ врозницу развѣваются ихъ лохмотья!

Не копья поютъ на Дунаѣ.

Слышите ли Ярославнинъ голосъ?
Кукушкой, притаясь, на зорькѣ кличетъ.

„Полечу я, молвила, кукушкой
По Дунаю!
Омочу бобровъ рукавъ въ Каялѣ,
Утру̀ князю кровавыя раны
На его могучемъ тѣлѣ!“

Ярославна до зари плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Ахъ, ты вѣтеръ, вѣтеръ!
Что же ты, властитель,
Съ такой силой вѣешь?
Для чего наносишь
Хановскія стрѣлы,
Легкокрылый,
На воиновъ моего друга?
Мало-ль тебѣ было
Высокò подъ облаками вѣять?
Баюкалъ бы корабли
На синемъ морѣ.
А ты зачѣмъ, властитель,
Мое веселіе по ковылю развѣялъ?“

Ярославна раннимъ утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Ахъ, ты Днѣпръ Славутичъ!
Ты прошибъ и каменныя горы
Черезъ землю Половецкую;
Ты на себѣ голубилъ
Святославовы гребныя лодки
До полковъ Кобяковыхъ.
О, приголубь, властитель,
Друга моего ко мнѣ,
Чтобъ я слезъ своихъ на море
По зарямъ къ нему не посылала“.

Ярославна утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Солнце! пресвѣтлое солнце!
Ты тепло и красно для всѣхъ.
Для чего же, свѣтъ мой,
Прòлило свои горячіе лучи
На воиновъ моего друга?
Въ степи безводной
Жаждой ловело имъ луки,
Тягостью колчаны имъ сомкнуло?“

И всплянуло море въ полночь
Смерчи понеслись туманами.

Князю Игорю
Богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой
Въ землю Русскую
Къ отцовскому золотому столу.

Погасли зорьки вечернія.

Игорь спитъ
И не спитъ.

Игорь мыслію поля мѣритъ
Отъ великаго Дону
До малаго Донца.
— Конь будетъ къ полночи —
— Овлуръ свистнетъ за рѣкою —
Велитъ князю разумѣть!

Князя Игоря и нѣтъ какъ нѣтъ.

Кликнуло,—стукнула земля,
Трава зашумѣла,
Половецкіе шатры всколыхнулись.

А князь Игорь
Бросился въ камыши горностаемъ,
Всплылъ бѣлымъ гоголемъ на воду;
Вскинулся на борзаго коня....

Потомъ соскочилъ съ него,
Да и побѣжалъ Донецкимъ лугомъ....
Соколомъ летитъ въ утреннихъ туманахъ,
Бьетъ себѣ гусей и лебедей
На завтракъ, обѣдъ и ужинъ.
Если Игорь летѣлъ соколомъ,
Такъ ужь Влуръ утекалъ сѣрымъ волкомъ,
Постряхивая студеную росу,
Потому что они загнали-распростерли своихъ борзыхъ коней.

Сказалъ Донецъ:
„Князь Игорь!
Не мало тебѣ величанія;
А Кончаку досады;
А Русской землѣ веселія!“

Сказалъ Игорь:
„О, Дончикъ!
Не мало тебѣ величанія,
За то что князя лелѣялъ на волнахъ,
Постилалъ ему зеленую траву
На своихъ серебряныхъ берегахъ;
Одѣвалъ его теплыми туманами
Подъ сѣнью зеленаго дерева,
Стерегъ его гоголемъ на водѣ,
Чайками на струяхъ,
Чирятами въ поднебесьи.
А вотъ не такова, говоритъ, рѣка Стугна!
Тощую струю имѣла,
А какъ поглотила ручьи чужіе...
И затормозило тогда лодки по кустамъ,
Юному князю Ростиславу
На своемъ темномъ берегу—выходъ въ Днѣпръ затворила.
О, какъ плакала тогда мать Ростислава
По юномъ князѣ Ростиславѣ,
Пріуныли цвѣты отъ жалости,
И дерево съ тоскою
Къ землѣ приклонилось.“

Сороки ли это застрекотали
Нѣтъ, по Игореву слѣду
Это ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Воро́ны тогда не каркали,
Галки пріумолкли,
Не трещали и сороки,—
Только дятлы, по стволамъ лазя,
Знаютъ себѣ постукиваютъ,
Путь къ рѣкѣ кажутъ.
Соловьи веселыми пѣснями
Разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Говоритъ Гзакъ Кончаку:
„Такъ какъ ужь соколъ къ гнѣзду летитъ,
Давай мы соколенка разстрѣляемъ
Своими золочеными стрѣлами.“

Говоритъ Кончакъ Гзаку:
„Такъ какъ ужь соколъ къ гнѣзду летитъ,
Мы давай соколенка опутаемъ
Красною дѣвицей!“

И сказалъ Гзакъ Кончаку:
„Если мы его опутаемъ
Красною дѣвицей,—
Не нашъ будетъ соколенокъ,
Не наша будетъ и красная дѣвица!
Какъ бы насъ тогда птицы-то не заклевали
Въ полѣ Половецкомъ!“

Говорилъ Боянъ,
И годины Святославовой
Пѣснотворцы стараго времени
(И Ярослава, и Олега князя):
„Хоть тяжко тебѣ головѣ безъ плечъ,
Но зло и тебѣ тѣлу безъ головы“
— Русской землѣ безъ Игоря!

Солнце свѣтитъ на небѣ,
Князь Игорь въ Русской землѣ.

Дѣвицы поютъ на Дунаѣ,
А голоса вьются
Черезъ море до Кіева.

....Игорь ѣдетъ по Боричеву
Ко святой Богородицѣ Пирогощей.

Села радуются,
Города веселятся.

Слѣвши пѣсню старымъ князьямъ,
Потомъ и молодымъ пѣть.
Слава Игорю Святославичу!
Удалому Всеволоду слава!
Владиміру Игоревичу слава!
Будьте здравы, князи и дружина,
„Поборая за крестьяны
На логаные полки.“

Слава князю и дружинѣ!

Скажемъ въ заключеніе что всѣ тѣ мѣста въ которыхъ поминается Боянъ, — они-то и представляются до сихъ поръ наименѣе разгаданными, всего болѣе испорченными. Самъ авторъ, по всѣмъ признакамъ, разумѣлъ подъ Бояномъ какого-то вѣщаго *vates*, какого-то, какъ выражается князь Вяземскій, *поэта по преимуществу*, словомъ, баяна, а не Бояна. Но переписчики могли спутать первоначальный смыслъ.

Загадочною остается самая первая картина въ *Словѣ* пусканія соколовъ на лебединое стадо. Если принять это за поэтическое уподобленіе игры на гусляхъ (какъ и толкуетъ самъ пѣвецъ) тогда въ послѣдующихъ стихахъ слѣдуетъ предположить или пропускъ или искаженіе, безъ того самъ Боянъ представляется распѣвающимъ пѣсню про Ярослава и про другихъ старыхъ князей. А чувствуется что это не такъ....

Въ *Словѣ* нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ для того чтобы считать баснословнаго Бояна непремѣнно за историческое лицо, вполнѣ будто бы извѣстное автору, который и указываетъ въ своей поэмѣ: и въ какой вѣкъ жилъ Боянъ, и какому изъ своихъ современниковъ онъ сложилъ какую

пѣвку. При воспоминаніяхъ о Полоцкомъ Всеславѣ авторъ, правда, приводитъ Боянову прилѣвку о томъ что ни хитрому ни гораздому не избыть суда Божьяго. Изъ этого многіе и заключаютъ что Боянъ былъ современникомъ Всеслава. Но это неправильно. „Тому Боянъ первое прилѣвку рече“ очевидно значитъ: „Вотъ на то-то прежде всего Боянъ и сложилъ прилѣвку“. Легко можетъ-быть что у пѣвцовъ позднѣйшихъ сохранялась память о прежнихъ княжескихъ пѣвцахъ, особенно о славнѣйшихъ изъ нихъ. Легко быть можетъ поэтому и то что какого-нибудь Бояна, или даже Яна, пѣвецъ *Слова* поэтизировалъ образомъ вѣщаго Бояна, миѳическихъ временъ, а перелицики этого не разобрали и исказили смыслъ автора.

Но его Боянъ, летающій орломъ подъ облаками, носящійся волкомъ по землѣ и расточающійся соловьемъ по дереву, мчащійся чрезъ поля на горы—лицо идеальное, чтобы не сказать миѳическое. Пѣвецъ, зовя его внукомъ Аполлона (внукомъ Велеса), видитъ себѣ въ томъ славу чтобы быть его послѣдователемъ, чтобы считаться его продолжателемъ. Нѣкоторые критики, и можетъ-быть не безъ основанія, полагаютъ видѣть въ миѳическомъ Боянѣ самого Гомера.

LIBRARY OF CONGRESS
00025242476